

Олег ЧУВАКИН

г. Тюмень

ДОРОГА К НЕБУ

рассказ

Июньским утром 1991 года перед одноэтажкой штаба стояли пятеро. Два сержанта — в парадках, со значками, с лычками на погонах, на которых желтели буквы «СА», в фуражках с поблескивающими на солнце козырьками; трое рядовых — в гражданском.

Юра стоял ближе всех к КПП. Его рубашка, заправленная в брюки, чуть вздувалась от гулявшего по войсковой части степного ветра.

Проводить их вышел сам командир дивизиона.

— Каждый раз извиняюсь перед дембелями, — сказал подполковник Жанибеков. — То в декабре, то в июне. Мог бы вас пораньше отпустить. Но пока этих балбесов, смену вашу, уморазуму научишь, пока допуски подойдут, пока куратор одобрит... Учебка — одно, войска — другое, сами знаете. Часть у нас режимная, каждый человек на счету. Вот смотрю на вас, — он взглянул почему-то на Юру, — и чувствую себя как школьный учитель на последнем звонке. Жалко с вами расставаться, парни. Поправь-ка фуражку, дембель бравый. Нет, не так. — Жанибеков сам поправил фуражку сержанту Орлову. — Спасибо за службу, ребята.

Подполковник пожал всем руки.

— А вы, Юра, — дойдя до последнего в шеренге Юрия, командир почему-то обратился к нему в вежливой форме, — отправьте свои стихи в «Юность» или «Смену». Особист говорил, стихи у вас замечательные. По-моему, он в этом вопросе разбирается. Начитанный.

— Спасибо... — сказал в ответ Юрий. Ему стало неловко. — Я не Лермонтов, товарищ подполковник...

— Буду ждать от вас бандероли с журналом, — строго сказал Жанибеков. — А теперь — будьте!

Шеренга тут же распалась.

— Не поминайте лихом! — крикнул подполковник бывшим солдатам в спины, когда они шли короткой цепочкой к КПП.

У ворот их дождался командирский «уазик».

— Счастливые! — сказал водитель. — Мне ещё полгода службу тащить.

— Садись спереди. — Орлов подтолкнул Юру. — Тебе до дому дальше всех.

Оставив позади ворота с красными звёздами, переполненный «уазик» покатил вдоль бетонного забора, обсаженного клёнами. На плацу сейчас начнётся построение на развод, но Юру это уже не касается. Орлов с парнями на заднем сиденье запел «Идёт солдат по городу», и Юра засмеялся, а затем подтянул.

У автостанции в п.г.т., простившись с командирским водителем, дембеля разъехались на пригородных и междугородных автобусах — кто на восток, кто на запад, кто на север. Юре было по пути с Орловым — до областного центра, а там до аэропорта.

Ехали они в расхлябанном «ЛАЗе», грохотавшем железом и подпрыгивавшем на разбитой дороге. Вместе с «ЛАЗом» подпрыгивали на жестковатых скользких сиденьях и дембеля.

— Девчонка-то ждёт? — слишком громко, как казалось Юре, спрашивал Орлов.

Юра кивал.

— Классная у тебя девчонка, Юрка! — продолжал Орлов. — Ты ей стихи писал! Мне тоже надо было своей Галке стихи писать. Может, и дождалась бы тогда. Только я не умею стихи писать. Таланта нет!

За окнами тянулись зеленевшие поля. Над полями голубело ясное небо.

Юра подумал, что Галка, наверное, не любила Орлова. Если любишь — как не дожидаться?

Если бы никто не дожидался, надо было давно сделать вывод: никакой любви не существует.

Авиабилеты Юра и Орлов купили заранее, в мае, предъявив в кассе аэропорта воинские требования и доплатив разницу, потому что по требованиям погашалась только поездка по железной дороге. Теперь им оставалось дожидаться регистрации — каждому своей — и подняться в воздух на Ту-134 или Ту-154.

В аэропорту они съели невкусное молочное мороженое, а потом женский голос в динамиках объявил регистрацию на тюменский рейс. У стойки номер семь двое обнялись на прощанье.

В полёте Юра глядел в иллюминатор на белые, серые облака и нескончаемое небо. «Ту» проваливался в воздушные ямы, будто падал, внезапно и стремительно, и по Юриному затылку, по шее и плечам пробегали, катились волною мурашки. От неулыбчивой стюардессы

Юра принял картонный стаканчик с минералкой. Ничего, кроме воды, странно хмурая стюардесса на своей тележке не привезла. Женщины, сидящие в креслах впереди, вполголоса рассуждали о дефиците в стране. Минералка оказалась тёплой и солоновато-противной, но Юра допил до конца. Потом откинул спинку кресла и закрыл глаза.

Первым делом он поедет к Марии. На тридцать пятой маршрутке доедет до авиаагентства, до конечной остановки, а там — пешком. Он так и написал ей в последнем письме. Телефона дома у Марии нет, а заказывать заранее междугородные переговоры, добираться от войсковой части до п. г. т., где имелся телеграф и пункт междугородной связи, — целая история. Поэтому, купив билет на самолёт, Юра в тот же день написал Маше: «Встречать не нужно. Будь дома».

Спустя пару часов Ту-154 приземлился в Рошино. Юра сделал всё, как запланировал: отстоял небольшую очередь на маршрутное такси, залез в тесный «рафик» и за тридцать пять копеек доехал до Тюмени, до агентства «Аэрофлота». Оттуда, любуясь не отцветшей ещё сиренью, недавно омытой дождем, сбившим с нежных матовых листьев городскую пыль, с чемоданчиком в руке и улыбкой на губах, выглядевшей, наверное, глуповато, по-детски, Юра двинулся к Марии — через дорогу по светофору, по улице Республики, по Одесской, потом дворами. Шёл и думал, что это хорошо, что он спрятал свою парадную форму и фуражку в чемодан, а не надел. Не то он выделялся бы, на него смотрели бы. А ему не хотелось, чтобы люди глазели на него — счастливого, с детской улыбкой. Своим счастьем, счастьем возвращения, он хотел поделиться сначала с Марией. Два года! Сто сорок восемь Марииных писем, полных любви, лежало у него в чемодане. Первые письма были закапаны слезами, её слезами: чернила из шариковой ручки на тетрадных листках кое-где поменяли синий цвет на розовый.

Вот и её двор. Кирпичная пятиэтажка, полоса асфальта, берёзы, сирени и акации у подъездов. Всё знакомое — может, только чуть подростшее. На поле, огороженном сеткой, мальчишки лет двенадцати гоняли мяч. Коротко стриженный

нападающий, на вид постарше других, ловко обходил юных полузащитников и защитников и под вопли нескольких сопливых болельщиков неумолимо вёл мяч к воротам. Юра с досадой подумал, что не купил Марии никаких цветов — ни нарциссов, ни тюльпанов, ни роз наконец.

На тротуаре, у дорожки к крыльцу, стояли новенькие белые «Жигули» седьмой модели. Со свадебными лентами. За «Жигулями» замерла чёрная «Волга» — с такими же лентами и кольцами на крыше.

Взявшись за ручку двери, Юра услышал где-то позади крик.

— Уйя-я-я!

Так пацаны кричат от боли. Когда их пнут или ударят.

Поворот кругом, бег — и Юра за сеткой, на песке поля. Стриженный парнишка, что недавно вёл мяч в ворота, склонился над поверженным пацанёнком. Тот лежал на спине, как животное, признавшее первенство другого животного, укрывая лицо локтями.

— Ты, сучонок, дал мне подножку? Знаю, ты. — Нападающий выпрямился, глянул в сторону, поймал глазами Юру, сплюнул. Лицо у него было злое, морщинистое. Старое такое лицо.

— Отстань от него. — Юра приблизился.

— Вали отсюда, салага! — Нападающий смотрел на него снизу вверх.

Юра оторопел. Салага? Пацан дышит ему в грудь!

— Не всасываешь, урод? Я тебя, сука, на ремни порежу!.. — В левой руке пацана блеснуло лезвие. Бритвочка.

— Ну-ка, прекрати!

Огромная женщина в бесформенном платье ковыляла по песку к собравшимся.

— Проклятый уголовник! — сказала толстуха, с ненавистью глядя на морщинистое старое лицо, сверлившее её нахальным взглядом. Бритва у подростка куда-то исчезла. Словно её и не было.

— Я не уголовник, тётя Клара.

— Брат твой уголовник. И ты сядешь. Все вы одинаковые, — сказала тётя Клара. — Подымайся, Боречка. Сколько раз тебе говорила: не играй в футбол с этим отребьем.

— Куда ему деваться! — Морщинистое лицо сплюнуло в песок и заулыбалось, глядя, как

Боречка встаёт и отряхивается. — В одном дворе живём.

— Ничего, мы скоро переедем.

— От меня не скроешься. Я сниться тебе буду, Бо-реч-ка! — И он хрипло захохотал ломающимся голосом, срываясь на визг. — А ты, салага, — сказал он, мгновенно сняв улыбку с лица и наморщив узкий лоб, — уже труп. Я знаю, к кому ты припёрся. К Машке.

Юра поймал взгляд тёти Клары. Она оглянулась от края сетки. В глазах её застыло любопытство. Маленький Боречка от её ног тоже оглянулся.

— Иди, кандыбай, чего зенки вытарашил, — сказал нападающий. — Встренемся ещё. Лёшку Покера знаешь?.. Ничё ты не знаешь. Это брат мой. Он пасёт твоего Аркадьича.

«Какого ещё Аркадьича?»

— Теперь вали. Топай к своей шалаве. Ты дембель, да? — Сморщенный покачал головой, совсем как взрослый.

Не оглядываясь, Юра пошёл с поля вслед за толстой тёткой, слыша позади себя тихий разговор и визгливые пацаньи хохотки. Тётя Клара, на секунду остановившись у соседнего с Мариным подъезда, снова посмотрела на Юру, но ни слова не сказала. Открыла дверь и пропустила вперёд Боречку. Скрипнув пружиной, дверь хлопнула. Юра заметил, что у Мариного крыльца и на ступеньках рассыпано множество цветных конфетти. Словно кто-то достал новогодние хлопушки и побаловался. Ах, да, тут у кого-то свадьба. Машины эти с лентами... Сверху доносилась танцевальная музыка. «Modern Talking». Юра познакомился с Машей на дискотеке в техникуме как раз под эти песенки. Маша пришла с компанией девчонок из кулинарного училища — такая застенчивая, такая стройная, в скромном платьице с пояском. Потом с улыбкой рассказывала Юре, что нарочно так оделась — чтоб отличаться от других. «Вот ты меня и заметил», — прошептала она. А Юра сказал ей, что думал, будто все девчонки из кулинарного — пышки-толстушки.

Он поднялся на четвёртый этаж. Музыка доносилась из-за Мариной двери. На дерматином кто-то прикрепил английскими булавками бумажное алое сердце, пронзённое стрелой.

«Она что, переехала?»

Юра осмотрел лестничную площадку. Конфетти были рассыпаны и на ступеньках, ведущих на пятый этаж.

«Может, свадьба там? Но почему картинка здесь?»

Шальная, почти фантастическая мысль пришла ему в голову.

Маша договорилась с матерью и отцом, записалась загодя на регистрацию в загсе, вручила кому надо приглашения, договорилась насчёт машин — и теперь ждёт его, Юру, на свадьбу. На их свадьбу! В день его возвращения. Нет ничего чудеснее. И музыку включила именно ту, под которую они познакомились.

— Она ждёт меня! Дискотеку нашу вспоминает! — прошептал Юра так тихо, что едва себя услышал.

Ему нельзя медлить. Им надо спешить — не то в загс опоздают.

И он нажал кнопку звонка.

Кнопка была та же, замазанная по краям краской. Но вместо привычного трескучего «зззззззззз» динамик внутри квартиры оглушительно защебетал по-птичьи. Юра вздрогнул и опять подумал, что, может, Маша переехала. Нет, нет, она бы обязательно написала ему об этом.

Дверь открылась. В прихожей стоял отец Марии — в белой, расстёгнутой до самого живота рубашке, в чёрных брюках с помятыми стрелками и в домашних тапочках. Лицо его налилось алкогольным багрянцем, глаза блестели, а из рта крепко несло водкой и табаком.

— О, Юрок... А в чемодане что? Подарок?

— Из армии я, — сказал Юра.

— Прямо оттуда? Ну, ты молодец. Прямо на свадьбу! Хвалю.

Магнитофон в квартире смолк.

— Кто там пришёл, папа?

Её голос.

— Георгий Фёдорович, кто это?

Незнакомый мужской голос.

И ещё были в гостиной комнате разные голоса.

Ну да, свадьба.

Конфетти на улице, конфетти на лестницах, «Волга» с кольцами и «Жигули» с лентами. И картинка на дерматине.

Юра стоял в прихожей, обеими руками держа чемоданчик перед собою — точно прикрывался им.

Георгий Фёдорович женат на Альбине Иосифовне. Разводиться и жениться на другой женщине он вроде бы не собирался. Маша бы написала, конечно.

А вот и сама Альбина Иосифовна, подбородок держит высоко. С такими женщинами не разводятся.

Братьев и сестёр у Марии нет.

— Привет, Юра! — Нарядная Мария, в ярковасильковом платье до колен, с короткими рукавами, с неглубоким вырезом на груди, легонько обняла его — через чемоданчик, который он не выпускал из рук, — и чмокнула в щёку, обдав запахом духов и шампанского. — Ты давай проходи. Не смущайся. Это вот Юрий Аркадьевич, ну, Юра, как ты. Тёзка твой.

За нею, обняв её за плечи, подчёркнутые под платьем поролоном, улыбался плюгавенький чернявый товарищ с внешностью бюрократического работника. Лет тридцати или чуть больше. В чёрном костюме-двойке, при голубом в полоску галстуке. Типичный хозяин кабинета в райкоме комсомола или ещё в каком-нибудь доме бюрократии. Его мягкая улыбка вызывала доверие и расположение.

Чернявый протянул ему маленькую ладошку, Юра пожал её осторожно.

— Мы его Аркадьичем просто зовём, — говорила Мария. — Ой, я же не сказала... Он жених, то есть муж мой. Вчера у нас регистрация была, а сегодня второй день гуляем. Да ты чемодан-то поставь. — Она присела на корточки и стала отцеплять его пальцы от чемоданной ручки. На её безымянном пальце блеснуло золотое кольцо. — Ну что ты как ребёнок. Всё в порядке. Жизнь продолжается. Сейчас водочки выпьешь. Коньячку. А хочешь — шампанского трёхлетнего, крымского?.. Что вы все тут столпились? — Она поднялась и заговорила громче. — Аркадьич, кто музыку выключил? Вам что, всем указания нужны? Вы, мужчины, без твёрдой женской руки точно все загнётесь.

— Таак тошшшшно! — гаркнул Мариин отец. — А Юре — штрафную!

— Не надо мне штрафную.

— Не надо ему штрафную, — сказала Мария. — Папа, ты сегодня много выпил. Подумай лучше о печени.

— Я о тебе, доча, думаю. О твоём празднике. Если я не буду веселиться, что это будет за свадьба?

— Юра, давай проходи. Садись вот сюда.

В гостиной Юра сел туда, куда указала ему Мария, на немножко шаткий стул. Незанятый этот стул, чистая тарелка — они будто ждали его. Застланный розовой скатертью широкий раскладной стол был заставлен хрусталём, фарфором и бутылками. На диване, на стульях сидели незнакомые люди. Они представлялись, Юра кивал или жал им руки — и тут же забывал их имена. Гостей было человек десять. Кроме Машиного дяди, младшего брата Георгия Фёдоровича, занимавшего кресло в углу, Юра никого из этих людей раньше не видел. Альбина Иосифовна объяснила ему, что сегодня второй день свадьбы, для родственников. Первый день был вчера: после регистрации собрались в кооперативном кафе.

— Девяносто человек гостей было, — с гордостью сообщила она.

Юра стал есть, стараясь ни на кого не смотреть. Оказывается, он был чертовски голоден. Он съел салат, потом другой. Ел пшеничный хлеб, порезанный треугольниками, как в ресторане. Мария сама принесла ему горячее — дымящуюся картошку, свинину с луком и соусом. Ни водку, ни коньяк, ни шампанское он пить не стал, а напился чёрного чаю.

Гости были уже хороши, перекрикивали магнитофон, хором повторяли «горько», заставляя Марию и Аркадьича долго, на счёт целоваться, Аркадьич, шурша, елозил тонкими пальчиками по синей спине Марии, а Юра, думая о жирных, в свинине и подливке, губах целующихся, глотал чай, подливая кипятка из электрического самовара и забывая подсыпать сахара, и говорил себе, что попал в параллельный мир. В мир, где всё вывернуто, перевернуто, испорчено, доведено до нелепости, где всё идёт не так, как в мире родном, настоящем.

Оторвавшись от раскрасневшейся, будто наплакавшейся, невесты, жених поднялся с места во главе стола. Юра смотрел в его при-

лижающиеся глаза. Аркадьич, уже без пиджака, без галстука, тянулся к нему с бутылкой водки.

— Выпей с нами рюмочку. Что ты — чай да чай...

Бутылка была лимонадная. В такие бутылки с коротким горлышком водку стали разливать при Горбачёве. На этикетке «Русской» Юра увидел косо поставленный синенький штампик: «Облисполком». Не иначе жених не просто купил водку, а достал.

Аркадьич плеснул ему в рюмку, услужливо, но чересчур резко пододвинутую Георгием Фёдоровичем, пролил водку на скатерть. Не желая ни говорить, ни слушать никаких тостов, Юра выпил. Водка была тёплая и противная. Юра почувствовал, как его лицо скривилось. Сам Аркадьич умел пить водку с улыбкой. Редкое умение, наверное. А может, мышцы его лица давно подогнаны под постоянную улыбку.

Отец Марии отодвинул шторы, открыл окно.

— Душновато что-то.

Запив водку чаем, Юра поднялся, отодвигая стул. Ковёр под ногами был мягкий, новый. Юра подошёл к окну, думая, может, Георгий Фёдорович ему что скажет. Кто-то должен был ему что-то сказать.

Вместо Мариного отца с ним заговорил Аркадьич. С чашкой чая он встал у подоконника, побарабанил по нему пальцами, стараясь попасть в такт музыке.

— Хорошо сиренью пахнет, — сказал он.

С улицы долетал сладковатый аромат.

Юра пожал плечами.

— Ты, кажется, без отпуска служил, — сказал Аркадьич. — Мария говорила, ты на ракетной «точке» был.

— Там с отпусками плохо, — сказал Юра.

— Понятно, — сказал жених-муж.

— Ты служил?

— Не довелось.

«Тогда что тебе понятно?»

Жених-муж отпил чаю. Закашлялся.

Отвернувшись от окна, Юра поймал взгляды нескольких гостей. В числе прочих на него смотрела и Альбина Иосифовна. Жалость мелькнула в её глазах. Быстрая, крошечная такая жалость. А может, ему показалось. Альбина Иосифовна — женщина суровая. На работе —

начальница. Телячьих нежностей от неё не дождёшься. А вот порцию насмешек и ядовитых замечаний схлопотать — это запросто. Она скорее его, Юру, неудачником объявит, нежели станет жалеть и по головке гладить.

Неужели Мария ничего ему не скажет? «Люблю, жду», — это в письмах. А что тут? Липкие поцелуи и поход сначала в кино, а потом в загс с этим тридцатилетним бюрократом, или кто он там? Поверить невозможно! Должно быть какое-то объяснение. Случайная беременность? От этой мысли Юру в жар бросило.

— Аркадьич, я с Юриком поговорю, — сказала Мария, вставая. Она сказала это в паузе между магнитофонными песнями, и её слова слышали все.

— Конечно, — с улыбкой ответил от окна Аркадьич. — Вам надо поговорить.

— Пойдём, Юрочка-дурочка. — Мария изящно подала ему руку. — В спальню. Там нам никто не помешает.

— Да-да, в спальню! — радостно повторил Аркадьич и засмеялся. За ним засмеялись гости.

— Вот она, демократия-то! — сказал Георгий Фёдорович. — Не успели пожениться, как муж отправляет жену в спальню с... со... со знакомым парнем.

«Вот как я теперь называюсь», — подумал Юра, идя вдоль стены за Марией.

Он вспомнил, как в прихожей она обняла его — легко так, едва касаясь. Наверное, вот так девушки обнимают знакомых.

Гости за его спиной рассмеялись. «Modern Talking» заиграл погромче. Какой-то родственник Аркадьича подпел со школьным акцентом, пытаясь повысить свой баритон до тенора и оттого фальшивя. Гости снова рассмеялись. Они смеялись над певцом, но Юре казалось, что над ним. Через коридор смех их звучал глухо, замогильно.

— Да поставь ты что-нибудь расейское! — сказал голос Марииного дяди.

Маша привела Юру к той комнате, которую раньше называла «своей». Своей, и всё. А теперь это «спальня».

Она закрыла дверь на защёлку, прислонилась к двери спиной.

— Садись.

Юра сел на заправленную кровать. Пружины

матраца чуть скрипнули. Может быть, на этой самой кровати Мария и Аркадьич устроили вчера брачную ночь. Или у Аркадьича своя квартира? Уютная, обставленная? И он просто не желает её царапать-разрушать, превращать в свадебно-пьяный бардак?

Мария развернула зеркало трюмо, провела по губам помадой. Губы, нацелованные Аркадьичем, заблестели.

Платье с вырезом — вероятно, сшитое портным на заказ, — сделало Марию старше. А ещё косметика. Штрих тут, подводка там, чёрточка здесь. И уже не двадцать ей лет, а все двадцать пять.

Он оставлял ждать себя восемнадцатилетнюю девчонку, а теперь перед ним зрелая женщина.

— Знаешь, Юрик, у нас большие планы. У меня и у Аркадьича. — Мария села рядом и придвинулась поближе. Юра почувствовал её тёплый бок. — Тебе надо привыкнуть и понять.

«А что сначала — привыкнуть или понять?»

— Ты почему молчишь? Не могла же я упустить шанс! — Она двинула его тёплым боком. Он покачнулся сидя. — Извини. Ну, не то говорю... Понимаешь, пока ты служил, многое переменилось. То есть не многое — всё. Зевать нельзя. Кто не успел — тот опоздал. Видишь кусок — хватай и лопай, пока другие не сожрали.

«Это какой же кусок?» — подумал Юра.

— Аркадьич — он в горьком комсомола работает, — сказала Мария.

Она назвала должность. Юра смотрел в стекло книжного шкафа перед собой. В стекле он увидел, как тёмная Мария сбоку заглядывает ему в лицо, пытаясь, видимо, прочесть его мысли, его отношение к озвученной должности. А Юра думал, что почти угадал, только не райкомовский её женишок, а горькомовский. Бери выше!

— Связи, друзья, возможности, — перечислила Мария. — Ну, и ещё кое-что... Машина у него, квартира. Гараж капитальный. Дача у Андреевского озера. Глупо жить настоящим, надо заглядывать в будущее.

«Аркадьич — твоё будущее?»

— Мы с Аркадьичем жизнь свою видим так, — сказала она. — Бизнес. Дело своё, понимаешь?.. Кафе, потом ещё кафе. А потом, наверное, ещё. В общем, останавливаться не собираемся. У Аркадьича есть сейчас одно кафе, но кооператив-

ное, на паях. А мы хотим своё. Есть одна столовая на горкомовском балансе, и район самое то. — Она помолчала. — Мы особенное кафе хотим открыть. С изюминкой. Арт-кафе. Скажем, литературное. Тебе эта идея понравится.

Юра щекой чувствовал, как Мария буравит взглядом его профиль. Сказать бы ей, чтоб смотрела не на него, а перед собой, в шкаф с книгами, как он.

— Вино, поэзия, свечи — это так романтично! Аркадьич и название придумал: «Северная муза». Мы вчера гуляли в кафе, ну, в кооперативном, сургутские и нижевартовские друзья Аркадьича на свадьбу приехали, вот он северное название и придумал. А в литературное кафе мы поэтов будем приглашать. И сами что-нибудь почитаем.

Сами? Её Аркадьич тоже пишет стихи? Или она начала писать? Но почему тогда не прислала ни одного стихотворения ему в армию? А не всё ли ему равно? Или они желают, чтобы он участвовал в этом их... семейном предприятии? Чёрта с два!

Кроватные пружины скрипнули под его руками.

— Не психуй, Юрочка-дурочка. Ну кто сейчас ждёт по два года? Лучшие ж годы уходят. Не будь таким ивняком.

— Ивняком?

— Ну, это говорят так.

— Никогда не слышал.

— Ты много чего там не слышал, в степях своих, на «точке» своей. Наивным не будь, ну?.. Пока ты Родине там долг отдавал, мы тут дела делали. Все эти ваши ракеты скоро сократят и распилят на металлолом. Жизнь переменялась, понимаешь, дружок? Всё стало по-другому, Юра. Коммунисты теперь в пролёте.

— Не торопи события.

— Ты ничего не понимаешь. Аркадьич — он же горкомовский. Он в курсе событий. Да и по телевизору говорят о рыночной экономике. Рельсы социализма привели в тупик, и всё такое. В Тюмени вон товарная биржа открылась. В «Родничке» сигареты американские продают и французский коньяк «Наполеон». Пиво «Милюки» в банках!..

Из гостиной доносился магнитофонный го-

лос Цоя. «Перемен требуют наши сердца! Перемен требуют наши глаза!»

— У вас что, телика в части не было, Юр?

— Был. Смотрели мы «Время». По распорядку дня...

Юре вспомнилось хмурое, озабоченное лицо Горбачёва в телевизоре «Рубин». Раньше, в апреле восьмидесят пятого, Горбачёв выглядел иначе: жизнерадостным, бодрым. Казалось, он уже шагнул в будущее и теперь зовёт за собой страну. В следующем году — съезд партии, олимпиады. Ускорение, гласность. Юра верил Горбачёву. Но в восьмидесят девятом генеральный секретарь стал слишком много и слишком часто говорить. Будто пытался словами сопротивляться тому сильному течению, которое его несло куда-то. И не поймёшь: то ли пловец дерьмовый, то ли хитрый враг народа.

— Вот ты в кооперативном кафе нормально пообедать сможешь, но рублей за пятнадцать. А в столовой — за полтора рубля, но там тебе дадут воду вместо супа, хлеб вместо котлеты и коричневую бурду вместо чая. Люди заслуживают лучшего, и не грех взять с них за это лучшее немного денег.

«Мой отец зарабатывает 200 рублей в месяц, мать — 180, — подумал Юра. — Много ли лучшего они «заслужат» на Машины цены?»

— Бедность при капитализме неизбежна, — шпарила Мария, словно отвечая на его мысли. — Вот почему важно оказаться не среди тех, кто покупает, а среди тех, кто продаёт.

Эта фраза показалась Юрию заученной. Машина прекрасна и стройна, но говорить умно и стильно она не умеет. Наверное, от Аркадьича нахваталась. От комсомольца-рыночника.

Как же так: сегодня партиец-комсомолец, завтра — враг социализма и коммунизма? Как так: Соединённые Штаты — идеолог холодной войны и враг, а нынче — миротворец и друг? В СССР спекулянтов в тюрьму сажали, а теперь их объявляют лучшими людьми, образцом для подражания? На уроках литературы в школе учили, что приспособленцы — гниды и мразь, а теперь эти шкуры собираются править бал? Жизнь на выворот? Юра считал, что всё это дальше разговоров и мелкой кооперативной деятельности не пойдёт. А тем, кто попытается продать Родину,

дадут по рукам. И дадут крепко. Так, что пальцы полетят. Нужно только с дефицитом покончить, наладить систему. Были трудные времена у страны, но всегда всё налаживалось.

Но как так? Вчера — его невеста, а сегодня — чужая жена?

— Для меня ты тоже приготовила планы? — спросил Юрий, глядя на Мариино отражение в створке книжного шкафа. Его вдруг охватило странное спокойствие. Он посмотрел на Марию.

Её личико розово просияло.

— Ну, вот видишь — ты и сам догадался! Нет, ты не совсем потерян для рыночной экономики. Я тебя пристрою. Ты у меня далеко пойдёшь, Юрик-дурик. Если я сказала — так оно и будет. — Она потрепала его по плечу.

— Да ну? — Юра едва не рассмеялся. — В письмах ты говорила, что ждёшь меня и любишь. А...

— А я тебя любить не перестала. С чего ты взял? Я ж писала тебе. Думаешь, врала? Ничего ты не понимаешь, Юрик-дурик. Просто я не всё говорила.

Она сложила пальцы в замок на коленях. Как старая женщина.

Теперь они оба сидели на кровати и рассматривали свои смутные отражения в створках книжного шкафа.

Лица, проступавшие сквозь разноцветные корешки книг.

Писала.

Прищурившись, Юра посмотрел в окно, на небо. Много облаков. Тянутся одно за другим. Продолговатые, толстые, серые. Будет дождь.

Да, она писала ему. Сначала часто, два-три письма в неделю. Они быстро накапливались, создавая толстую пачку. Юра хранил их в тумбочке у кровати, завернув в целлофан. Ближе к зиме Маша стала писать реже — по письму в неделю. Под дембель он получал от неё лишь пару писем в месяц. Теперь стало понятно: письма давались ей всё труднее. Всё тяжелее было называть Юру любимым, говорить «жду», «шлю страстный долгий поцелуй» и заполнять бумажные листки прочим подходящим. И всё же она справлялась с задачей.

Писала.

Строчки, выведенные в тетрадных клеточках, выстроились перед его глазами в прямые

и косые ряды. Зрительная память у него — как фотоплёнка.

«А помнишь Костю Кислова? Он всё такой же кислый, будто фамилию оправдывает!» — «Вася Горский тебе привет передавал. Всё марки коллекционирует. Смешно, да? Какие-то марки... Пинцетики, кляссеры... И любит с модельками машин возиться. «Юный техник» выписывает. И выглядит как ребёнок». — «От друга твоего Сашки Сивцова тебе привет большой. Встретила его на рынке. Спрашивал, как там тебе служится». — «Юрик-мурик, а помнишь, как мы с тобой зимой на карьере на санках катались? Как я от страха визжала? Вот дура-то! Разве с тобой можно чего-то бояться?» — «Помнишь нашу первую дискотеку в техникуме?» — «А помнишь...»

Помнишь, помнишь, помнишь!

Письма из прошлого. Ну, конечно. Это были письма из прошлого. Разве могла она рассказать о настоящем? Тем более о будущем?

Скажем, передать ему привет не от Сашки Сивцова, а от Аркадьича. От комсомольско-горкомовской шишки, завидного улыбчивого жениха с квартирой, дачей, машиной и даже капитальным гаражом. Перечислить в письме материальное и резюмировать: всё построено, всё куплено, осталось только жить. Начать как обычно: «А помнишь...» А потом, где-то в конце письма, вывалить главное одним абзацем: «Да, чуть не забыла. Слушай, Юрик-мурик, я тут замуж выхожу...»

Интересно, когда в ней произошла перемена? Несколько месяцев назад? Год назад? Полтора года? Как долго она его обманывает?

Мария что-то говорила.

— ...Нет, дружок, я тебя любить не перестала. Ты давай киснуть прекращай. Ты сравни себя с Аркадьичем. Это ж так, полумужчина, будущий подкаблучник, падок на сладенькое... А я хочу тебя, Юрочка-дурочка. Вас обоих Юрами зовут. В постели не ошибёшься! — Она хихикнула. — Ты будешь моим, ивнячок-босячок. Любовником моим будешь. Я тебя камасутре научу.

Юра отвернулся к окну. Почувствовал, что краснеет. Отчего краснеет, не понял. Человеческие чувства быстрее мысли.

Наверное, Машка права. Он наивный. И глупый, должно быть.

Но почему-то ему хотелось оставаться и наивным, и глупым.

А покраснел он потому, что очень желал обнять Машку, раздеть Машку. И лечь с нею, тут, за запертой комнатной дверью. И вместе с тем это было противно, мерзко было. Он и желал её, и хотел её оттолкнуть, но первое ощущалось больше, нежели второе, — и оттого-то и покраснел. И Машка его внезапный румянец смущения, конечно, заметила. Женщинам невероятно трудно возражать, понял Юра.

Мария встала, поправила ультрамариновое платье. Достала из книжного шкафа журнал, лежавший поверх книг. С бумажным шорохом листнула его.

— Ты спрашивал про планы. Смотри.

Юра молча принял раскрытый журнал. Это было популярнейшее молодёжное издание. Тираж — несколько миллионов экземпляров.

Со страницы на него смотрело лицо Марии. Фотограф снял её, прислонившуюся к берёзке. Под чёрно-белой фотографией — курсивные строчки: «...мечтала писать стихи с детства», «наконец мечта сбылась», «молодая поэтесса, подающая надежды» и в таком духе далее.

Ниже имя поэтессы: Мария Некрасова.

— Оставила себе девичью фамилию. Поэтично так звучит, да?.. У Аркадьича фамилия совсем не литературная, ну её в задницу.

Значит, она пишет стихи. И их публикуют в столице. Что ж, её можно поздравить. Но он-то тут при чём?

Глаза его скользнули от фамилии к стихам. К названиям, строфам, рифмам. Юра перелистнул страницу, другую.

«Классная у тебя девчонка, Юрка! Ты ей стихи писал!»

Иные строки кто-то — вероятно, редактор отдела поэзии, ответственный секретарь или кто там ещё у них этим занимается, — переделал. Немножко там и сям подправил, отредактировал. Кое-где поправлено было хорошо, а кое с чем Юрий бы не согласился.

Впрочем, у него не спросили.

И ведь ничего никому теперь не докажешь. Письма, в которых он посылал эти стихи, — у Машки. Спрятаны где-то. Нет, скорее сожже-

ны. Юра усмехнулся. Похоже, он начинает мыслить в духе новейшего времени.

Она писала ему письма, полные любви и страсти, а он слал ей в ответ стихи. Ей, готовящейся выйти замуж за гараж с машиной, только это и было нужно. Он называл её и свои письма историей любви и думал, что, вернувшись из армии, соберёт их все и перевяжет ниточкой, а потом, лет 20 или 40 спустя, обратится к этому любовному документу — вместе с нею, Марией.

А она добывала из его писем поэтический материал. Как руду из горной породы. Получала письмо, вскрывала конверт, переписывала стихи ручкой или перепечатывала на какой-нибудь комсомольской пишущей машинке, подписывала каждый лист своей девичьей фамилией, а письма уничтожала. Со временем накопилась поэтическая подборка для журнала. И никаких улик. Комар носа не подточит.

Она говорит, что не перестала любить его, но разве это не ложь? В этом мире лгут, почти не задумываясь. Более того: здесь верят в ложь, как в правду.

Юра досмотрел стихи до конца.

Первое стихотворение из подборки он сочинил в девятнадцать лет, в поезде, на пути в армию, в учебку. Сочинил без бумаги, в голове. Последнее стихотворение было написано и отправлено этой весной, в марте. Быстро, однако, напечатали.

— Особенно мне вот это нравится, «Дорога к небу». — Мария присела рядом, ткнула пальцем в строчки. Нюхоток стукнул по бумаге. Юре стало больно. Ему будто сердце укололи. — Последняя строфа — вообще шик и блеск:

*Я буду весел, свеж и юн,
Вас старость сморщит в тени.
Но обовьёт зелёный выюн
Портрет, где молод гений.*

Юра молчал.

— И откуда у тебя мысли такие? — спросила Мария. — Тебе ж двадцать один год всего. Такое вдохновение, да?

Он почувствовал, как Мариина рука обнимает его. Закрыл глаза. Они сидели рядом, близ-

ко-близко, её пальцы шевелились у него на животе, и это было как много-много лет назад. Юра заставил себя открыть глаза. Перед ним был тот же шкаф. В воздухе кружились потревоженные пылинки.

— Короче, просто потрясно! — Мария вздохнула с откровенной завистью. Обнимавшая Юру рука тихо убралась. — Это редактор в Москве мне так сказал. Ну, не совсем так... Потрясающе... Нет, проникающе... то есть проникновенно... Забыла как. И сказал, что такие стихи необычны для женского поэтического взгляда. Что-то в этом роде. Ты пиши хотя бы чуть-чуть по-женски, ладно, Юр?

Для поэтессы, пусть и фальшивой, она выражалась слишком вульгарно. Даже примитивно. Ей бы лексикон расширить. Классиков почитать. Вместо апологетов рыночной экономики.

— Публикации в журналах, потом книжка, вторая... Союз писателей... Переводы на английский, французский, немецкий... На японский!

Удивительно, но возле него сидела женщина, лелеющая чужую мечту.

«Поэтесса при муже-рестораторе, — подумал Юра. — Один вышел из комсомольской столовой, другая — из чужих стихов. И вот это и есть рыночники новейшего времени, указывающие непросвещённым толпам светлый путь к капитализму?»

Маша покрутила широкое (слишком широкое) золотое кольцо на безымянном пальце. Такое кольцо гармонично смотрелось бы на пухлом пальце какой-нибудь сорокалетней западной буржуазки: дамы с золочёной сумочкой и в шляпке, из-под которой глядят насмешливые презирающие глаза.

— Ты бы писал, а я бы добивалась публикаций. Гонорары поделим. Договоримся. Я тебя, дурачок-светлячок, не обижу. Знаешь, вторая роль — тоже здорово. Это тебе не массовка. Один пишет, другой пристраивает и продаёт — это нормально.

«Разделение труда», — подумал Юра. Усмехнулся про себя. Всё-то у них продумано.

— В Америке это просто назвали бы бизнесом, — сказала Мария.

«Буду ждать от вас бандероли с журналом».

Подполковник Жанибеков сказал это сегодня, а казалось, что с тех пор минула целая историческая эпоха и Жанибекову стукнуло лет девяносто, как библейскому Мафусаилу.

— По-твоему, я не в состоянии отправить стихи в «Юность» или «Новый мир»?

— Солнышко моё!.. Мне пришлось поехать в Москву и лечь под редактора. Чтобы стихи появились в журнале. Сейчас появились, а не через год. И чтоб вообще появились. Сейчас всё за интерес делается, ты ещё не понял, милый, да? Так я тебе объясню. — Она потянулась к трюмо, выудила тонкими пальчиками из приоткрытой красно-белой пачки «Marlboro» сигаретку, щёлкнула зажигалкой, закурила, пустила в сторону двери струйку синеватого дыма. — Ты сам не пробьёшься, ты же у меня дурачок наивный. Слушайся меня и придёшь к успеху.

«К успеху», — словно эхо, отозвался мысленно Юра.

Куда делась девочка из кулинарного училища? Перед ним сидело, пуская ноздрями дым и уча его жизни, какое-то киношное существо. Ненасущное! Казалось, сеанс кончится, плёнка в бобине зашуршит, механик остановит кинопроектор, и оно, существо, померкнет, растворится в пыльном воздухе. Юра поверить не мог, что рядом с ним — живая Мария. Ему надо встать с кровати, уйти. Уйти, подумать. Побывать одному. Вот он придёт домой, вспомнит, как всё было у них до армии, — и оно всё вернётся. Надо только как следует вспомнить. А этого всего, происходящего тут, нет. Это ему мерещится.

Нет, не мерещится. У него будто кто-то отнял жизнь и подсунил ему другую.

В табачном дыму качнулось призрачное морщинистое лицо подростка с футбольного поля. «Топай к своей шалаве». Дворовый пацан с лезвием, братишка какого-то гопника, вдруг вырос до моралиста.

— Эй, ты где? — Мария поднялась, погасила окурки в пепельнице на письменном столе.

Надо бы что-то ответить — нельзя же вот так сидеть и молчать. Но что ответишь? Он мог бы поговорить о чём-то с той Машей, которую встретил на дискотеке. Он мог бы поговорить с Жанибековым или Орловым, или другими ре-

бятами из их в/ч. Но с киношными персонажами, с инопланетянками Юра говорить не умел.

— Тебе надо переварить всё, я понимаю, — сказала будущая хозяйка литературного кафе. Она словно о еде говорила. — Немножко неожиданно, да? Знаешь, нынче жизнь вся из поворотов состоит. И быстрые все они, повороты. Как бы не прозевать. Эй, чудо в перьях, проснись!

— Я пойду, — сказал Юра, глядя в стекло книжного шкафа. — Пойду.

— У меня телефон появился. Аркадьич пробил на ГТС установку. Звони. Мы здесь пока живём, у Аркадьича в квартире ремонт...

Он устало подумал, что про телефон она ему тоже не написала. Видно, боялась, что он станет названивать. Трубку мог снять кто угодно: Аркадьич, Альбина Иосифовна или Георгий Фёдорович. Вряд ли Мария посвящала родню и нового возлюбленного в тонкости своей игры.

Мария повернулась к столу, оторвала клочок от листа из тетрадки. Вывела на обрывке номер ручкой — похоже, той же самой, что писала ему в армию. Цвет чернил был точно такой же. Только слёзы давно на строчки не капали.

— Звони, если что. У твоего дома на Тульской телефоны-автоматы поставили.

«Что она делает у моего дома?»

— Я к твоим заходила. Проведать.

«Из моих родителей тоже дураков сделала. Люблю, жду. Ну, конечно. Мои тоже должны быть уверены, что она меня ждёт. Узнай я от кого-то, что она меня не ждёт, она осталась бы без стихов. Вот она и собирала приветы от Васи и Сашки, и других, нарочно встречаясь с ними — для того, чтобы сообщить, что ждёт меня и любит. Она и свадьбу-то затеяла перед самым моим дембелем лишь потому, что боялась, что кто-то узнает и мне напишет. Как это называется? Расчётливость? А нет слова по сильнее? Мать с отцом, наверное, думают, что мы с Машей скоро поженимся, внуков им наделаем. Отца кондрашка хватит, если я ему про Аркадьича и стихи в журнале расскажу. А главное — про любить не перестала. Да ведь она в это «не перестала», похоже, верит! Спит с мужем-комсомольцем, ворует стихи и любит обворованного поэта».

Мысли у Юры стали путаться.

— Аркадьич бы тебя подвёз, у него «Жигули», но он выпивши, — сказала Мария.

— Я пойду, — повторил Юра, оставаясь на кровати.

— Слушай, сюда никто не войдёт. — Придерживая платье, Мария опустилась перед ним на колени. — Дверь на защёлке. Аркадьич сюда не полезет, он у меня вышколенный. И там у них магнитофон...

Будто напуганный мальчик, Юра отодвинулся от Маши по кровати, упираясь в пружинящий матрас руками. Она так и стояла на коленях, следя за ним взглядом. С края кровати Юра вскочил, бросился к двери, словно от чумы спасался.

В гостиной как раз смолкла музыка. Проходя по коридору, Юра увидел, что чернявый Аркадьич, показывая наметившуюся плешь, роется в кассетах.

— А, Юрок... — сказал отец Марии. Лицо его багровело, как у запойного алкоголика. Голос звучал чудовишно пьяно. — Ты, это...

Дядя Марии дремал в кресле.

— Выпей с нами водки, тёзка! — радостно крикнул жених-муж, и от его крика дядя хлопнул глазами и потянулся за рюмкой.

Счастливое настроение Аркадьича поразило Юру. Тут, прямо в этой квартире, рождалась антиутопия. Не книжная, не выдуманная, а подлинная. Здесь формировался один из центров нового мира. Мира жуткого, перевёрнутого, в который ему, Юре, ни за что не вписаться. Мира, в котором говорят, что любят и ждут, но спать ложатся с другим. А ради интереса спят ещё и с третьим. Не исключено, что и это не предел.

На кухне у открытого окна курили двое, он и она, Юре ничего не сказавшие. Оба пошатывались; он поддерживал её за талию. Юра начисто забыл, кто это такие. Решительно всё в этой квартире было чужим. На подоконнике стояли две рюмки, полупустая бутылка коньяка, тарелка с остатками оливье и одной вилкой. Уличный ветер гнал табачный дым в прихожую. У Юры заслезилась глаза. То ли от дыма, то ли от горя.

Он зашнуровал кроссовки и поднял чемоданчик.

— Журнал-то возьми. — Мария протягивала ему номер со стихами. — У меня ещё один есть.

Как ребёнок, готовый разреветься, но слёзы грядущие скрывающий, Юра помотал головою. Зажав чемоданчик между ногами, он повернулся, щёлкнул английским замком и выбрался в бетонную прохладу лестничной клетки.

— Пока, Юрочка-дурочка!

Он не ответил этому призраку. Страшному призраку, полуживому, полумёртвому, одна половина которого хранила в себе прошлое, вторая — несла будущее. Где-то посерединке между половинами проходила тончайшая прослойка настоящего. И вот это-то настоящее Юра не желал подпускать к себе. Взять у Машки журнал, напоминающий о вломившемся непрощено в его судьбу настоящем, означало впустить кошмарный призрак домой.

Уходя от Марии, Юра повторил свой прежний маршрут. Путь человека, который возвращался в один мир, а попал в другой. Улица Одесская, центральная улица Республики, светофор, переход. Агентство «Аэрофлота» было всё тем же, а жизнь вокруг шла уже другая. Стремясь избавиться от наваждения, Юра тряхнул головой.

Он миновал магазин «Старт», в котором всегда сильно, до першения в горле, пахло новенькой резиной (любимый запах городского мальчишки), а теперь на обшарпанных дверях висела табличка «Учёт», пересёк проезд Геологоразведчиков, обогнул 6-ю школу и остановился у карьера, где в детстве ловил на удочку голянов. Над карьером, теперь залившимся, затянутым вдоль берегов ряской и густо заросшим рогозом, молча летала одинокая чайка. На другом берегу, на котором было побольше голого песочка, загорала, подстелив плед, парочка. Двое о чём-то спорили: приподнялись на локтях и препирались. Дивный новый мир не даёт им покоя, подумалось Юре.

К нему приблизился, покачиваясь и, казалось, чуть подпрыгивая, как на пружинках, молодой небритый тип в спортивных трико и мятой футболке. Тип встал напротив по стойке «вольно», сохраняя малую дистанцию. Губы его плясали.

— Эй, человек, дай рубль!

Чемодан у Юры выпал, а язык и зубы сами собою сложили ответ:

— А в ухо?

Он бы с удовольствием отделал наглеца до котлетного состояния. У него мутилось в голове, кулаки сжались; зрение сфокусировалось на человеческой мишени. Весь проклятый новый мир сконцентрировался, казалось, в этом грубом лице, в этих расхлябанных движениях. Хозяйское требование «дай» было рассчитано исключительно на трусливых и податливых. Но фокус в том, что самые трусливые и податливые — как раз такие типы.

Губы напротив заплясали.

— Ты чё, братан? Шуток не понимаешь?

— Не понимаю, — отрезал Юрий.

— Чё, из-за рубля ближнего готов убить, да?

Часто оглядываясь, ближний стал удаляться, нелепо подпрыгивая-покачиваясь.

Вот бы и весь этот новый мир стряхнуть так же с себя. Сказать ему: «А в ухо?» — и сделать ложное движение корпусом. Чтоб он испугался и сгинул. Навсегда.

Ключ от квартиры он взял у соседки, пенсионерки тёти Ани. Не было ещё пяти часов, мать и отец вернутся со своих работ не раньше чем в шесть. Тётя Аня сказала, что Юра очень вырос, а она его помнит «вот таким» (что было удивительно: его будто из детсада забрали в армию), а ещё она только что выкупила в гастрономе сахар по талонам, а ещё тут на лестничных площадках вечерами и ночами темно, хоть глаз выколи, нигде нет лампочек, потому что воры, промышляющие по подъездам, их вывинчивают и потом на базаре сбывают втридорога. «Говорят, — сказала соседка, — лампочки надо зубной пастой намазывать, чтоб не крали. Паста-то припечётся к стеклу, не отмоешь. Но её, пасту-то, тоже достать надо. Всё теперь в дефиците, Юрочка. Говорят, при рыночной экономике дефицита не бывает».

В двухкомнатной квартире, в которой Юра жил с семи лет, всё было так же, как до его призыва в армию. Он даже улыбнулся. Островок прошлого. Те же вещи, тот же письменный стол с потрескавшейся со школьных времён полировкой (на столе керамическая карандашница, лампа под тканым абажуром, стопка

книжек, пара кассет и магнитола «Аэлита» — всё как прежде, будто Юра и не уезжал никуда), бумажная политическая карта мира на белёной стене, на противоположной стене — чёрно-белый портрет хмурого Лермонтова и тихо тикающие круглые часы с римскими цифрами. На подоконнике — белые герани в зелёных пластмассовых кашпо.

На книжной полке, прислонившись к корешкам книг, — фотография его и Маши, от июня 1989 года. Снимал на «Зенит» отец, у военкомата Ленинского района — перед тем как Юра сел с другими призывниками в автобус, отвёзший их затем в облвоенкомат, где их позднее разобрали офицеры-«покупатели». Около полугода Юра провёл в учебке, а затем попал по распределению на «точку». Маше на снимке было восемнадцать, ему — девятнадцать. Он смотрел на фотографию и думал, что эта Маша и та, с которой он виделся сегодня, — разные. Не может быть, чтоб были одинаковые.

На другом снимке Юра был запечатлён со своим лучшим другом. Январь, школьные лыжные соревнования, восьмиклассники в спортивных костюмах, в вязаных шапочках, на лыжах, с палками. У Юры и Сашки Сивцова напряжённые лица, готовые сорваться вперёд, в снег. На заднем плане — физрук Пал Палыч, подносящий ко рту свисток. Всех школьных физруков зовут Пал Палычами или Сан Санычами.

— Позвоню Сашке, — прошептал Юра.

Он полез в карман, сосчитал деньги, зажал в ладони двухкопеечную монетку, закрыл квартиру, сбежал по ступенькам, сказал «привет» старому алкоголику Макару Кузьмичу, возникшему на ступеньках первого этажа (тот уставился на него как на привидение, не узнал, наверное), и вышел во двор. Обогнул дом. На углу, у разросшихся акаций, и вправду синели две телефонные будки.

Побывав в одной и другой будке, Юра сказал: «Варвары».

Трубки у обоих телефонов кто-то вырвал, что называется, с мясом. Искалеченные пружины, в которых прятались провода, походили на изуродованные руки с висющими сухожилиями.

Зачем нужны кому-то трубки? Понятно, по-

чему крадут, вывинчивают лампочки: их можно продать или вернуть в патрон, но что делать с трубкой от автомата?

Сами телефонные аппараты, заключённые в металлические корпуса, были изрезаны ножиками, испещрены мелкими и крупными надписями. Наскальные знаки, стоянка первобытных людей.

Надписи были реже похабные, чаще оскорбительные. В эти будки словно не звонить приходили, а мстить.

В будке, что стояла справа, воняло мочой.

«Поеду на такси, — шагая по Тульской, думал Юра. — Если такси здесь ещё не в дефиците».

Небо хмурилось. От медленно плывущей, вспухающей в небе серости кирпичные дома обрели стальной оттенок. Окна пятиэтажек и стеклянные витрины гастронома «Юбилейный» почернели. О ладонь Юры разбилась капля дождя.

Такси он поймал у кафе «Сказка».

— Не по счётчику, — объявил шофёр. — До Мориса Тореза? За трёшку. Если до подъезда, то за четыре рябчика.

Три рубля на такое расстояние было тройной ценой.

— Не надо до подъезда.

Всю дорогу Юра молчал. Перед тем как выйти из «Волги», подал таксисту трёшку. Тот со своего сиденья странно посмотрел на него.

— Мы на четыре рубля договорились.

— Это если до подъезда. У вас плохо с памятью? Или тут и правда всё ненастоящее? — добавил неожиданно для себя Юра.

Шофёр убрал протянутую руку.

— Ты откуда такой философ?

— Из армии.

— Дембель, что ли? Где-то в забытых богом и чёртом местах служил?.. Всё с тобой понятно. Слышь, брат, так тебе стакан чем-то наполнить надо. Водяру за четвертак возмёшь? Или бормотуху. За пятнашку отдам. Дешевле ни у кого не найдёшь. За четырнадцать — как дембелю. Вот и в газетку заверну.

С бутылкой «72»-го, завернутой в «Советскую Россию», Юра поднялся на лифте на девятый этаж. Дверь, не сняв цепочки, приоткрыл растрёпанный кудрявый парень, в котором Юра уз-

нал возмужавшего Сашку. Три года не виделись! Сашка отстегнул цепочку, открыл дверь пошире. Но только для того, чтобы выскользнуть на площадку, на коврик.

— Привет...

— Привет! Ты мне всю малину испортишь, Юран! — горячо зашептал Сашка. — У меня тут тёлка тридцатилетняя, самый смак. Замужняя. Соседка, прикинь! Муж с сыном на даче остались картошку досаживать, а ей к восьми утра завтра на дежурство в больницу, ну она и вернулась в город. А в городе ей скучно стало. А тут я. Со мной не заскучаешь. Мои предки тоже на дачу укатили. Ты извини, Юран, но ты сегодня лишний. Я тут до утра гореть огнём любви собираюсь.

И он закрыл дверь, даже не попрощавшись.

Спустя несколько секунд дверь открылась. Юра всё так же стоял у коврика. Сашина рука аккуратно взяла у него завёрнутую бутылку.

— Что ты там принёс? О, спасибо, чернила пригодятся.

Дверь снова закрылась. За нею звякнула цепочка.

Это был кто угодно, но не Сашка Сивцов.

С настоящим Сивцовым Юра ходил в одну школу до восьмого класса включительно. Потом родители Саши переехали с Тульской в новую квартиру на Мориса Тореза. Но дружба продолжалась до самой армии — куда Сашу, студента индустриального института, забрали в июне 1988-го, на год раньше Юры. А в августе 1989-го горбачёвский указ отправил Сивцова и прочих студентов вузов, призванных после первого курса в «ряды», в запас. Родина решила, что студентов от ученья на оглупляющую армию отрывать нельзя.

Юра нажал кнопку вызова лифта. Ну, конечно! Он слишком долго не виделся с Сашкой. Тот на «гражданке» почти два года. Это много. За это время дивный новый мир сделал из Сашки своего человека. Потихоньку, день за днём, Сашка привык к этому миру, врос в него, стал его органической частью. А он, Юра, на «точке» будто заморозился, законсервировался.

Всё это Юра воспринимал, фиксировал сознанием. Но ум его с переменившейся действительностью мириться не хотел, а сердце — не могло.

В сторону кинотеатра «Космос» автобусы ехали переполненные, кренясь к обочине, едва не касаясь оранжевыми боками тротуарных бордюров. Полы пиджаков, фрагменты кофт, рубашек и брюк, зажатых в автобусных дверях, торчали наружу. Заморосил дождь. Небо стало ниже, воздух потемнел. Не торопясь больше никуда, Юра отправился домой пешком.

Попадавшиеся ему на пути люди не улыбались. Лица мужчин и женщин казались жутко хмурыми. Будто на своих работах мужчины и женщины оставили несчастье, к которому завтра придётся вернуться, а дома вечером их тоже ждало горе. К горьким выражениям лиц дождь подрисовал влажные полосы на щеках. Все словно плакали. Там и сям над головами раскрылись зонты. Ими люди прикрывались от Юрино любопытства.

Юра заглядывал под зонтики в надежде поймать сквозь пелену дождика хоть одно счастливое или беззаботное лицо. Но не попалось ни одного. Юра, человек в промокшей рубашке, пробовал улыбаться прохожим, но это не срабатывало, а однажды вызвало эффект, противоположный задуманному: старушка шарахнулась от него, как от психа, застучала быстро по тротуару палочкой. У гастронома «Родничок» дождь перестал сыпаться, выглянуло солнышко, окна домов заблестели, от асфальта стал подниматься пар, — но и тут никто не улыбнулся, точно в городе действовал похититель улыбок, давно завладевший всеми лицами без исключения.

И Мария ведь не улыбалась, вдруг понял Юра. Несмотря на свадьбу. Лицо Марии могло быть уговаривающим, убеждающим, высокомерным или таким, которое может говорить «ты ничего не понимаешь» и учить жизни. Но улыбки на её губах Юра не видел. Всё что угодно можно было ожидать от этого лица, от вздохов до, пожалуй, истерики, но только не простой счастливой улыбки.

Все люди здесь, думал он, ждут. Ждут будущего. Прихода того дня, когда наконец им разрешат улыбаться. Наступления того момента, когда похититель улыбок возьмёт да объявит, что игра окончилась, и раздаст улыбки их владельцам.

Но разве Аркадьич не счастлив? Улыбка, радостные тосты, поцелуи с юной женой, наконец кафе-машина-квартира...

«Это ж так, полумужчина, будущий подкаблучник...»

Вместо того чтобы свернуть на Геологоразведчиков, Юра оказался на Одесской. Ноги сами несли его к дому Марии. Нет, он не собирался подниматься к ней. Видеть Аркадьича, пьяных гостей, Альбину Иосифовну, довольную тем, что в кафе на свадьбу собралось 90 гостей, побагровевшего отца Марии, её саму — нет, нет, тысячу раз нет. Он хотел лишь постоять у её дома с западной стороны, запрокинуть голову, посмотреть на окно её комнаты. Маленькое такое желание, после исполнения которого он вернётся домой, пожмёт руку отцу и обнимет мать.

Когда он встал где нужно и поднял голову, рубашка его почти высохла. Вечернее солнце окатывало кирпичный Мариин дом жёлтым светом и грело Юрин затылок.

Это хорошо, думал Юра, что она не высунулась в окошко с сигареткой. Это было бы ужасно.

Он смотрел на окно, горящее жёлтым огнём от солнечных лучей. Окно было точно таким же, и сама пятиэтажка была точно такой же, как двумя годами раньше. И Юре показалось — ради этого-то мгновенья он и пришёл сюда, — что время провернуло свои валы и шестерни обратно и ему снова девятнадцать. Мария сейчас спустится к нему, они пойдут по городу, взявшись за руки, переплетя пальцы, кругом будет пахнуть начавшимся летом, дождем, сиренью, а...

— А-а-а-а!..

Этот крик, растворившийся в ветре, словно бы продолжил вслух Юрину фантазию, вот-вот грозящую скатиться в кошмар.

Кричали вон оттуда — из зарослей сирени за стальными самодельными гаражами. За кустами сирени поднимались, шелестели шумно полувекковые тополя.

— Пу-ти!.. — донеслось до Юры.

И всё смолкло. Только ветер шумел в кронах тополей.

Пролетев у пропахших мочой ржавых гара-

жей, чувствуя щеками упругость ветра, Юра с треском влетел в сирень.

В ушах его стояли чьи-то слова, прилетевшие с ветром:

— Нет у него бабок. С Парфёном в лес его. Всё.

У говорившего шевелились губы. Вероятно, он что-то ещё сказал, но Юра не расслышал. Между сиренью и тополями Юра увидел троих: почти наголо стриженного своего ровесника с серым маленьким и каким-то съёженным лицом, очень напоминающим какое-то другое лицо; лежавшего на спине смуглолицего человека с залепленным пластырем ртом и связанным верёвкой телом — от ног до груди; мальчишку с футбольного поля — со сморщенной физиономией. У связанного человека рука была в крови — с пальцами поработал, очевидно, юный агрессивный футболист, сейчас державший в опущенной руке шило.

— Здорово, дембель, — негромко сказал подросток. — Знакомся, — он кивнул на старшего, — это брат мой, Лёшка.

Лёшка неприязненно посмотрел на младшего брата.

— Ты зачем его сюда привёл?

— Я привёл? Ты чё гонишь, Покер?.. Он у шмары своей тусуется, у Машки Некрасовой. Я днём его видел. Басурман, — он показал на связанного, — заорал, когда про бабки я спрашивал, этот и припёрся. Шатался тут, наверное, Машку свою в кусты ждал... Хера ли тут непонятного...

— А, — сказал Покер. — Ну, прости, брат, не по делу наехал. Машку, значит, ждал. Или ты что другое забыл здесь, гражданин? Басурман — не корешок твой? — Он взглядом указал на связанного.

— Сам напрашиваешься, фраер, — вставил младший, прикуривая от спички. На пальцах его была кровь, сигарета испачкалась в крови. — Любопытной Варваре на базаре нос оторвали. Ты мне ещё за футбол задолжал.

— Машка мне рассказывала, что ждала из армии воина этого. — Покер хрипло засмеялся. — Расстёгивала мне ширинку, а сама про него, фраера, трепалась. Это психология, что ли. Может, воображала его на моём месте. Хер их

разберёт, шалав этих. Слышь, дембель, бикса твоя меня целую неделю обслуживала. Каждый день. Аркадьич мне за крышу задолжал, а она проценты отработывала. Аркадьич, прикинь, решил, что мы ему навстречу пошли. Ну, я потом объяснил ему, кто кому навстречу пошёл. А то б ещё заважничал, комсомолец херов. — Покер тихо посмеялся. — Машка — хорошая сучка, но жениться на такой...

Ударил его Юра именно за эти слова. Он бил его не за того парня, кому заклеили рот и совали шило под ногти, он накинулся на бандита за оскорбление Марии — той Марии, что жила за окошком и которой было не больше восемнадцати лет.

— Она и меня обслуживала.

Младший ещё говорил эти слова, а кулак Юры уже летел в скулу Покера. Лицо Лёшки, немного недоумённое, чуть повернулось, словно для того, чтобы получше рассмотреть врага, и кулак ударил ему в нос. Зная, что делать дальше, Юра левой двинул бандита под дых, а затем, стремясь за рукою всем корпусом, правой снизу врезал в челюсть.

Лёшка исчез из виду. А потом в воздухе что-то блеснуло коротко. Где-то снизу и сбоку пронеслось очарованное, с застылыми глазами, лицо Лёшкиного брата, теряя в движении чёткость. Имени его Юра так и не узнал.

Сухие губы на расплывавшемся морщинистом лице двигались, но Юра не слышал ни слова. Все звуки этого мира внезапно пропали, точно их выключили.

Из Юры выдернули что-то, крепко застрявшее в нём. Как вилку из розетки. На миг картина прояснилась: мальчишка с перекошенным лицом, с открытым ртом, рука, побелевшие пальцы, стиснутые вокруг рукоятки ножа, с которого капая красные капли.

Дрогнули в коленях и подкосились Юрины ноги, тополя отшатнулись, а сирень опрокинулась. Юра вдруг почувствовал ладонями мягкие листья одуванчиков, а спиной — твердь земли. В глаза ему бросилось небо. Много, много неба.

«Оно — настоящее», — подумал он.

Небо закрыли две тёмные фигуры, но их Юра уже не видел.

2014

Олег Анатольевич ЧУВАКИН

родился в 1970 году.

Прозаик, публицист, критик.

Публиковался в журналах «Юность», «Литературная учёба»,

«Сибирские огни», «Дальний Восток», «День и ночь»,

«Южная звезда», «Полдень. XXI век» и др.

Дипломант Международного конкурса В. Крапивина,

лауреат конкурса «Литературная критика» (2009),

победитель литературного конкурса

«Такая разная любовь» (2011).

Живет в Тюмени.

В журнале «Север» публикуется впервые.

